
18+
Леся Грим
ЖИЛЬЦЫ
Мистический триллер

Леся Грим

Жильцы

«Издательские решения»

Грим Л.

Жильцы / Л. Грим — «Издательские решения»,

Что делать, если дом, о котором вы мечтали, на самом деле мечтает о вас? Мира и Артём женаты много лет, но их жизнь — гонка по съёмным углам, финансовые проблемы и тихая боль от несбывшихся надежд. А квартира в старинной сталинке кажется настоящим чудом: дешево, просторно, уютно.Правда, у квартиры есть особенность: её прежняя хозяйка умерла во сне, а соседи напротив встречают новых жильцов словно ждали их всю жизнь.Очень скоро идиллия оборачивается кошмаром.

© Грим Л.
© Издательские решения

Содержание

ЖИЛЬЦЫ 6
Глава 1. Ключи 7
Глава 2. Правила вежливости 9
Глава 3. Правило трёх «нет» 11
Глава 4. Дневник 14
Глава 5. Почерк 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Жильцы

Леся Грим

Благодарности:
Олеся Евгеньвена Глимбоцкая

© Леся Грим, 2026

ISBN 978-5-0071-5540-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИЛЬЦЫ

мистический триллер
ЖИЛЬЦЫ

Мистический триллер

Глава 1. Ключи

Квартира пахла чужой жизнью — пылью, нафталином и чем-то сладким, как в кондитерской, закрытой на ремонт. Мира стояла посреди пустой комнаты и дышала этим запахом, и ей было стыдно, что она рада чужой смерти.

— Ну что стоишь? — Артём протиснулся мимо с коробкой. На коробке рыжим маркером было надписано: «Книги». Всё, что у них было, умещалось в двенадцать коробок и один чемодан. — Мир, ну что стоишь?

— Слушаю.

— Что слушаешь?

— Тишину. — Она повернулась к нему и улыбнулась. — Её не слышно. Десять лет в съёмных квартирах, Артём. Вечный шум за стеной, чей-то телевизор, чей-то пылесос, чей-то скандал. А тут — тишина. Как в музее.

— Как на кладбище, — буркнул он и ушёл за следующей коробкой.

Она не обиделась. Артём был такой последний месяц — на взводе, со сжатыми челюстями. Проект провалился, фриланс схлопнулся, они жили на её зарплату школьного психолога и на сбережения, которые таяли с пугающей скоростью. Квартира в Сивцевом Вражке стоила дешевле рыночной — агентство честно объяснило почему: предыдущая хозяйка умерла в этих стенах, в кровати, во сне. Старуха, девяносто один год. Тело нашли неделю спустя, потому что пришла соцработник. Потом квартиру полгода не могли продать — теперь сдавали.

«Умерла во сне, в девяносто один год, — подумала Мира, гладя ладонью подоконник, тёплый от сентябрьского солнца. — Это не трагедия. Это хорошая реклама».

Дом был красивый — московская сталинка, серый, с лепниной вокруг окон и коваными решётками на первом этаже. Подъезд изнутри оказался темнее, чем снаружи: высокие двери, полумрак, запах старого дерева и отполированного временем камня. Лифт — решётчатый, с тяжёлой створкой, — застрял между этажами в первый же день, и Артём донёс всё на себе до третьего.

На площадке их ждали.

— Ой, родненькие, новые жильцы! — Женщина лет семидесяти стояла в приоткрытой двери напротив, и её лицо сияло так, будто встречала родных с войны. — Я Марья Степановна. А это мой Павел Кузьмич. Павел! Иди сюда, молодые заехали!

Из квартиры вышел мужчина — сухой, прямой, в хорошем свитере, с таким же сияющим лицом. Двое смотрели на Миру и Артёма, как смотрят на долгожданное чудо. Мира почувствовала себя неловко — и почему-то тепло.

— Простите, что тут пусто, — сказала Марья Степановна, и Мира поняла, что речь о коридоре: старый диван, ковровая дорожка, пальма в кадке. — Мы тут прибрались, чтобы вам легче было. Галина Петровна — ну, хозяйка прежняя — она бы обрадовалась. Она так любила, когда в квартире люди.

— Спасибо, — сказала Мира. — Мы как раз чайник ищем.

— Так я вам сейчас! — Марья Степановна всплеснула руками. — У меня горячая вода всегда. Самовар у меня. Иди сюда, деточка, не стесняйся.

Артём открыл рот — собирался сказать что-то вежливо-отстранённое, но Марья Степановна уже взяла Миру под локоть, и Мира уже шла, потому что тяжело было отказаться лицу, которое так сияет.

Квартира соседей была уютная до безумия: ковры, статуэтки, чехлы на креслах, пахнущие лавандой. На стене — свадебная фотография: Марья Степановна в пышном платье, Павел Кузьмич в костюме, оба сияют. Фотография была чёрно-белая, и что-то в ней настораживало

— позже Мира поняла что: на фоне, в окне, виднелась стена их собственной, будущей квартиры, только с другими обоями.

— Мы тут с сорок седьмого, — сказал Павел Кузьмич, ставя перед Мирой стакан с чаем и блюдце с пирогом. — Мы тут всё знаем. Всех знаем. Всех помним.

— Всех? — улыбнулась Мира.

— Всех-всех. — Марья Степановна села рядом и посмотрела на неё с таким участием, что Мира невольно отвела глаза. — Вот вы — Мира. Красивое имя. «Мир» — значит. А мужа как?

— Артём.

— Артём, — повторила Марья Степановна с наслаждением, будто пробуя на вкус. — Артём и Мира. Слышишь, Павел, как хорошо звучит?

— Как в песне, — согласился Павел Кузьмич.

Они смотрели на неё, и Мира думала: «Как же должно быть старики тоскуют по общению». Она думала так, а сама ела пирог — тёплый, с капустой, необычайно вкусный, — и не могла остановиться.

— Галина Петровна часто к вам ходила? — спросила она, чтобы заполнить тишину.

Двое переглянулись. На долю секунды — Мира потом уверяла себя, что показалось, — сияние на их лицах погасло, как будто кто-то на мгновение накрыл лампу.

— Часто, — сказала Марья Степановна. — Она у нас полноценный человек была. Свой.

— А отчего она умерла, знаете? Агентство сказало — во сне. Это правда?

— Правда, — сказал Павел Кузьмич. — Во сне. Хорошо умерла. Дома ей хорошо был.

Он произнёс это слово — «дома» — как говорят «родина» или «мать». Мира хотела спросить ещё что-то, но в этот момент в стене — прямо за её спиной, в стене, которая была общей со стеной их квартиры, — послышался звук. Тихий, многоголосый, похожий на разговор в другой комнате, если прижаться ухом к двери.

— Это что? — спросила Мира.

— Трубы, — сказала Марья Степановна. — Старенький дом. Он разговаривает.

— Разговаривает?

— Старенький дом, — повторила Марья Степановна мягко, и во взгляде её появилось что-то почти материнское. — Он только тогда тихий, когда пустой. А когда люди — он радуется. Пойдёмте-ка, Мирочка. У вас там Артём один, мучается. Вещи тяжёлые сам таскает. А завтра я вам наварю щей — ты только тарелочку принеси.

Мира встала, поблагодарила, взяла пустой стакан — Марья Степановна силой всунула ей в руки ещё и кусок пирога «мужу, он худой, ему надо», — и уже у двери обернулась.

— Марья Степановна, а в коридоре у вас… — Она замялась. — Стена. Как будто из неё лица смотрят. И паркет тоже. Узор такой?

Старики смотрели на неё, переглянулись. Потом Марья Степановна сказала:

— Да, деточка. Узор.

Глава 2. Правила вежливости

К вечеру квартира обрела очертания. Книги на полках, чашки в шкафу, их свадебное фото на комоде — Мира в белом, Артём смущённый, оба такие молодые, что теперь было больно смотреть. Постель на кровати. Лампа с жёлтым абажуром, который Мира притащила из секонд-хенда ещё в студенчестве.

Артём разбирал последнюю коробку и молчал. Он молчал уже час, и Мира знала этот вид молчания: он копил.

— Говори, — сказала она.

— Микроволновки нет. — Он встал, отряхнул колени. — В описании было «полностью обставлена». Мебель — да, есть. Кровать, шкаф, стол. Но микроволновки нет, телевизора нет, чайника нет.

— Купим.

— На что?

Мира не ответила. Вместо этого она сказала:

— Соседи добрые.

Артём посмотрел на неё внимательно, и она увидела, что он копил не то.

— Мира. Они знают, как тебя зовут.

— Я сама сказала.

— Ты не говорила. Я стоял в дверях. Я слышал. Она вышла и сказала: «новые жильцы», а потом — «вот вы — Мира». Ты ей не представлялась.

Мира помолчала. Постаралась вспомнить. Не смогла.

— Я могла сказать при встрече. Не помню.

— И ещё. — Артём подошёл к окну. Снизу, в переулке, горели фонари; оранжевый свет ложился ему на лицо. — Ты спросила, знаем ли мы, отчего умерла хозяйка. А они не удивились. И не сказали «какая хозяйка». Они сразу знали, о ком ты.

— Они живут напротив сорок лет. Конечно, знают, кто умер.

— С сорок седьмого года, Мира. — Он повернулся. — Сорок седьмого. Сталинку в пятьдесят втором достроили. Где они жили до этого, в подвале?

— Артём. — Она подошла и встала перед ним, нежно положила ладони на его грудь. — Мы сегодня заехали. Впервые за десять лет у нас своя — ну, своя на год, но своя — крыша. А если нам здесь понравится у нас появится возможность выкупить эту квартиру, просто дальше продолжая платить аренду. Посмотри на меня. Мне здесь спокойно. Мне здесь нравится. Не делай из добрых стариков злодеев из триллера.

Он фыркнул, но напряжение чуть спало. Обнял её. Прижался подбородком к макушке.

— Тебе спокойно, — сказал он в волосы. — А мне — нет. Понимаешь? Мне здесь хорошо физически. Тепло, тихо, уютно. Но как-то не по себе, как будто меня… предупреждают. Как будто весь дом такой: «ну же, устраивайся, устраивайся». Будто в ловушку приглашение. Мне это не нравится.

— Тебе не нравится любой дом. Ты просто подозрительная натура, вот и всё.

— Мне не нравится этот. Ну впрочем, может ты и права, я всегда жду подвох.

Ночью Мира проснулась от холода. Кто-то открыл окно — створка приоткрыта, город гудел тонко и далеко. Она лежала и слушала, пытаясь понять, разбудило ли её что-то или просто новое место, новая кровать, новые звуки.

Потом услышала.

В стене за изголовьем — тихо, многоголосо, почти ласково — кто-то разговаривал. Не трубы. Трубы гудят низко, а это был шёпот, и в шёпоте угадывались слова — нет, угадывался

ритм слов, интонация, как у разговора за тонкой стенкой в гостинице: смысла не разберёшь, но понимаешь — говорят о тебе.

Мира лежала неподвижно. Слушала.

Шёпот повторял одно и то же — короткая фраза, потом пауза, потом снова. Ритм упрямый, назойливый, как будто кто-то стучит изнутри, из-за стены, из-за мира.

Она поняла, что узнаёт ритм. Она поняла это раньше, чем разобрала слова, и поняла так, как узнают голос по одной фразе в трубке.

Шёпот повторял её имя.

— Мира. Мира. Мира.

Она села в кровати. Шёпот стих мгновенно — не затих постепенно, как звук затихает, а оборвался, как будто все, кто шептали, одновременно прикусили языки.

Рядом спал Артём, лицом к стене.

— Артём, — позвала она тихо.

Он не ответил. Она тронула его за плечо — он вздрогнул, не поворачиваясь, и что-то сказал. Промычал во сне. Она не расслышала, наклонилась:

— Что?

— Я сказал: «тихо, она спит», — пробормотал Артём и заворочался, устраиваясь поудобнее.

Мира осталась сидеть в темноте. Комната была полна чужого запаха — пыли, нафталина и чего-то сладкого. Сладкий запах в доме появлялся то тут там. За окном шёл дождь, тонко и терпеливо, как будто стирал город. Она думала о Марье Степановне, о сияющих лицах, о пироге, о словах «дома ей хорошо было».

«Она спит», — сказал Артём во сне. «О ком он говорил?»

Она легла обратно, подобрав ноги, как ребёнок. И тут же провалилась в сон.

Глава 3. Правило трёх «нет»

Утром Мира решила, что ночные события всего лишь ей приснились.

Она помнила ночной холод от приоткрытого окна, запах нафталина, упрямый ритм в стене. Но утром в этой чудесной квартире было так хорошо, что воспоминание о ночи выглядело дурным сном: солнце лежало на паркете золотыми пластинами, на кухне пахло кофе, Артём — редкое дело — насвистывал, разбирая инструменты.

— Павел Кузьмич, — сообщил он, садясь за стол, — стоял у подъезда с утра пораньше. Ждал. Говорит: «Я по электрике смыслю. Молодые, у вас розетка в ванной не в порядке». Как он узнал про розетку, Мира?

— А кто сказал, что не в порядке?

— Я проверял вчера. Гудит чуть-чуть.

— Он вчера был в нашей ванной? — спросила Мира.

Артём посмотрел на неё поверх чашки.

— Вот, — сказал он. — Вот именно это я и имею в виду.

Но после завтрака пошёл сам — потому что розетка действительно гудела, а вызов электрика стоил денег, которых не было. Мира осталась разбирать кухню и нашла в ящике стола связку ключей — маленьких, чужих, на брелоке-капельке. Пробовала в дверь: ни один не подходил. Положила обратно.

А к полудню пришла Марья Степановна.

Постучала, мягко и настойчиво, три раза, и Мира мигом оказалась в дверях, не помня, как дошла, с прилипшей к щеке прядью волос и полотенцем в руках.

— Деточка, — Марья Степановна взяла её за запястье, как берут за руку свою дочь, и Мира почувствовала, что пальцы у старухи тёплые, почти горячие. — Ты меня не помнишь, я тут ночью была. Ты спала. Я присмотрела.

— Ночью?..

— Так, мимоходом, — отмахнулась Марья Степановна, и Мира поняла, что спорить бессмысленно. Старушечьи причуды. И Мира не придала никакого значения словам старухи.

— Иди завтракать-ко мне. У меня щи. Ты же не ела с утра, я знаю.

— Артём скоро вернётся…

— Артёмич у Павла. У мужчин своё. Ничего, что я твоего Артёма Артёмич буду называть, такое домашнее имя, как у своих? — И, не дождавшись ответа, повела Миру через площадку. — Ты только посмотри на себя. Какая худенькая. У нас тут хорошо кормят. У нас тут хорошо — вообще. Дом этот… он умеет.

Мира отстранённо подумала «как странно, видит нас второй день, а уже придумала какое-то домашнее имя её мужу». Но спросила:

— Дом умеет? Умеет что?

Марья Степановна открыла ей дверь. В коридоре было тепло и светло, как никогда в чужих квартирах, и пахло — Мира запомнит это потом — пахло так, как пахла кухня у её бабушки в Раменском, той самой, давно снесённой, с печкой и скворечником за окном.

— Умеет всё, чего людям надо, — сказала Марья Степановна. — Он всё слышит. Старый — а слух как у младенца.

За столом было накрыто на троих. Три тарелки, три стакана, три прибора — как будто ждали именно её. Марья Степановна усадила её напротив окна, поставила перед ней тарелку, от душу насыпала щей — горячих, плотных, с кусочками говядины, — и смотрела, как Мира ест, с выражением, какое бывает у людей, которые смотрят на того, кого долго ждали.

— Марья Степановна, — Мира отпила чай, чтобы заполнить паузу, — а у Галины Петровны были дети?

Вилка в её руке остановилась сама — она не планировала этого вопроса, он выскочил, как невыученное стихотворение.

Старуха не обиделась. Напротив — её лицо сделалось совсем мягким.

— Не было, деточка. Дом её жалел. — Она наклонилась и положила ладонь поверх руки Миры.

Ладонь была горячая. — Дом всех жалеет. Он знает, чего кому не хватает. Чего тебе не хватает.

Мира смотрела в её глаза — серые, мутные, добрые до странности, — и почувствовала, как внутри что-то сжалось: маленькое, старое, зудящее, о чём она не говорила даже с Артёмом. «Ничего», — сказала она себе. «Она не может знать».

— У меня всё есть, — сказала Мира.

— Всё, — согласилась Марья Степановна и гладила её по руке. — Только не всё. А будет. Ещё будет, милая. Эта квартира дарит надежду. Не так ли, дорогая? — старушка заговорщически улыбнулась.

Миру передёрнула от этой улыбки, — но она отмахнулась и съела всё, что было в тарелке, до дна.

Потом она помогла помыть посуду — отказаться не удалось: «не отказывайся, Мирочка, обидишь старуху», — и когда уходила, Марья Степановна дала ей на дорогу маленькую баночку с малиновым вареньем.

— На, мужу твоему. Он у тебя ворчун, а сладкое любит, я вижу.

— Вы же его вчера первый раз видели.

— А я всё вижу, — Марья Степановна улыбнулась, и в этой улыбке было столько покоя, что Мира поймала себя на том, что тоже улыбается. — Заходи, деточка. Когда захочешь. У нас дверь не запирается.

Ни для своих.

Вечером Артём сидел на подоконнике и молчал. На столе стояли щи — Марья Степановна переслала с Павлом Кузьмичем, «на пробу, молодые должны есть нормально», — и варенье, и ещё что-то в кастрюльке.

— Я насчитал, — сказал он наконец. — За три дня мы у них съели и выпили: пирог, щи дважды, варенье, компот, соленье — помнишь, она тебе огурчик всунула, ты съела прямо у двери. — Он повернулся. — Мира. Знаешь, как называется, когда невозможно отказаться?

— Когда вежливо?

— Когда принудительно. — Он слез с подоконника. — Я сегодня пробовал. Три раза говорил «нет». «Павел Кузьмич, не надо, я сам». Он смотрел на меня так… как будто я его убиваю. И я, — он замолчал, и Мира увидела, что он злится не на соседей, — я сдался. Я стоял и понимал, что это манипуляция, что мне надо просто взять инструмент и выйти, а вместо этого я держал его чай и кивал. Три «нет», Мира. Правило: после третьего «нет» я почувствовал себя неблагодарной сволочью.

— Они старики. Они одинокие.

— Они не одинокие. — Артём говорил тихо, но как-то очень ровно, как говорят то, о чём давно думают. — Я сегодня полдня провёл с Павлом Кузьмичем. Он всё знает про дом: где какая труба, кто на каком этаже жил за сорок лет, кто как умер. И знаешь, что я заметил? Он в курсе всего вообще. Как будто он не жил здесь сорок лет, а стоял. Как сторож.

Ночью Мира снова проснулась. Не от шёпота — на этот раз шёпот был далеко, глухо, где-то в толще стены, и не трогал её. Она проснулась потому, что хотелось есть — зверски, по-звериному хотелось есть, хотя вечером она объелась щей. Она лежала в темноте, слушала ровное дыхание Артёма, и вдруг подумала о том, что сказала Марья Степановна.

«Эта квартира дарит надежду».

И подумала о том, что не говорила никому уже два года: как она до сих пор прячет в шкафу пакет с вещами. Жёлтый комбинезон. Крошечные пинетки. Купленные в один день с тестом, в тот же апрельский день, когда врач сказала — устало, как говорят сто первый раз, — «попробуйте принять, деточка, это не лечится, так бывает».

Артём тогда молчал три дня. А потом сказал: «Всё, хватит. Будем жить с тем, что есть». И они жили. А пакет остался в шкафу — не в этом, в старом, в съёмной квартире, и она не рассказавала ему, что вещи переехали вместе с ними. Что она иногда, ночами, достаёт комбинезон и держит его на ладонях.

«Всё, чего людям не хватает», — сказала Марья Степановна.

Мира повернулась к стене и уткнулась лбом в прохладную штукатурку.

— Я ничего не хочу у тебя, — прошептала она в стену. — Слышишь? Мы сами.

В двух шагах от её спины, в шкафу, за стопкой зимних вещей, лежала коробка из-под обуви, которую Мира ещё не находила. В ней был дневник. Дневник уже дописывался до середины.

Глава 4. Дневник

Нашла она его в субботу, когда разбирала платяной шкаф — решила навести порядок в своих зимних вещах, хотя до зимы было ещё далеко.

Коробка лежала на дне шкафа, за чужим пледом — тяжёлым, шерстяным, с запахом нафталина, — и Мира сначала решила, что это оставленное агентством. Внутри оказались фотографии и дневник.

На фотографиях были разные люди, человек двадцать, возможно, больше: снимки явно принадлежали к разным годам, одни пожелтевшие от времени больше, другие меньше, одинаковые почти — люди стоят у окна, на том самом месте, где теперь стоял их сушильный шкафчик, и у всех одно и то же выражение лица. Мира долго не могла понять, что это за выражение. Потом поняла: удивление. Все на снимках выглядели удивлёнными — не испуганными, нет, — как дети, которым вдруг разрешили то, о чём они не решались попросить.

На обороте первой фотографии, чернилами, было выведено: «Куприяновы, зима 53-го». На другой: «Валентина Сергеевна, осень 58-го». На третьей: «Молодожёны. Первый снег 61-го». Почерки были разные.

На одном из снимков, где у окна стояли мужчина и женщина лет тридцати с маленькой девочкой, чья-то рука написала: «Она у нас осталась. Не ушли. Не смогли. Мы тоже не смогли».

Мира отложила фотокарточки и взяла дневник. Он был толстый, в клеёнчатом переплёте, на корешке инициалы — «Г. П.» и звёздочки. Мира открыла его в середине, наугад.

Писали там о жильцах. Каждая запись начиналась одинаково: «Заехали». Дальше — год, фамилия, что-то короткое. «Заехали. Семья Митрофановых, 1964. Он пил. Дом его жалеет — тихо стало с ним, перестал пить. Остались до первого снега. Хорошие были. Уходили — плакали. Дом плакал». «Заехали. Студентка Оля, 1971. Одна. Боялась одиночества. Дом с ней разговаривал по ночам. Осталась до первого снега. Теперь с нами сидит».

Мира листала, и рука её медленно холодела.

Записей было несколько десятков. «Остались до первого снега» — повторялось в каждой. Никто не ушёл. Никто за сорок лет не ушёл. Куприяновы, Валентина Сергеевна, молодожёны 61-го, Митрофановы, студентка Оля, «дедушка Фёдор с внучкой», «тётя Люба с котом, кота пожалели»…

А потом записи кончились. Последняя датирована тремя годами назад:

«Заехала Галина Петровна, 1978. Одна. Умная. Дом её полюбил сильно, сильно любил, задержал её — сердце, девяносто один год, во сне, тихо. Дом плакал. Дом всегда плачет. Дом сдаёт квартиру, чтобы были люди. Без людей он тихий и грустный, как бездетный».

Мира сидела на полу посреди разбросанных вещей и думала: «дом сдаёт квартиру». Не наследники, не агентство. «Дом сдаёт квартиру».

Она перевернула страницу — и там оказалась ещё запись. Одна. Последняя.

Свежая. Чернила не выцвели, буквы не расплылись. Почерк — ровный, аккуратный, с твёрдыми нажимами, и от этого почерка у Миры похолодела спина, потому что она знала этот почерк. Видела его сотни раз — в школьных журналах, в списках продуктов на магните, в подписи на открытках.

Это был её собственный почерк.

Запись гласила:

«Заехали. Мира и Артём. Осень. Она — добрая. Он — зря сопротивляется. У них была девочка.

Маленькая, восковая, с ресницами. Они о ней молчат, а она у них во всём — в пустой комнате, в купленных пинетках, в том, как она ест, набивая полный рот. Дом уже видит её. Дом жалеет. Она желала снова захотеть — и дом это услышал.

Остались до первого снега.
Она была счастлива».
Она была счастлива.
Была.

Глава 5. Почерк

Артём читал дневник дважды. Первый раз — стоя, быстро, с тем лицом, какое бывает у людей, которые уже подготовили возражение. Второй раз — сидя, медленно, загибая уголки страниц, как будто собирался проверять факты.

Потом он сказал:

— Напиши что-нибудь.

— Что?

— Что угодно.

Она написала: «Заехали. Мира и Артём». Он приложил лист к последней странице дневника, поднял к свету.

Молчал долго. Потом сказал:

— Почерк похож.

— Артём. Это мой почерк.

— Почерк похож, — повторил он упрямо, но голос его был уже не уверенный, а осторожный, как ходьба по тонкому льду. — Хорошо. Допустим. Вопрос номер один: когда ты это написала?

— Никогда!

— Вопрос номер два, — он поднял палец, и она увидела, что палец дрожит, — кто-нибудь ещё видел твой почерк? Соседи? Школьные коллеги у тебя на работе? Они же приходили. Марья Степановна ночью за чем-то там «присматривала», как ты говоришь…

— Артём. Послушай сам себя. Они украли мой почерк, чтобы… чтобы что? Написать в дневник умершей женщины, который потом положат в шкаф, где я его найду? Зачем? Зачем так сложно?

Он открыл рот и закрыл. Потому что сложность была очевидной — и неубедительной.

— Вопрос номер три, — сказал он тише. — Вот это. — Он ткнул пальцем в последнюю строку. — «У них была девочка. Маленькая, восковая». Мира. Откуда дневник знает про… — Он не закончил. Не смог.

— Никакой девочки у нас не было.

— Я знаю.

— Не было, Артём.

— Я сказал — знаю. — Он встал, прошёлся по комнате, остановился у окна. Снизу, в переулке, Павел Кузьмич местами подметал тротуар, хотя тротуар был чистый, и двигался он неестественно ровно, как маятник. Артём смотрел на него сверху вниз, и Мира видела: страх у него уже не подозрительный, а живой. — Это дом, Мира. Я с первого дня говорю — это дом. Вернее соседи. Старуха эта всё у тебя выспрашивала. «Маленькая, восковая, с ресницами» — кто пишет такое про чужого ребёнка?

— Там написано «дом жалеет».

— Там написано «дом уже видит её». — Он повернулся. — Мира. Мы уезжаем. Здесь творится какая-то чертовщина.

И вот тут — она позже будет вспоминать этот момент и казнить себя — она не сказала «хорошо».

Она сказала:

— Не говори чушь!

Помолчала и не смело спросила: «А если дневник правда?» — и замолчала.

Артём смотрел на неё так, как смотрят на человека, который стоит на краю, которого не убеждают, а просят.

— Правда о чём? Он написал, что мы «остались до первого снега». В прошедшем времени. Мира, это не предсказание, это приговор, который подделали под предсказание. Не будь такой… — он сглотнул, — …такой наивной. Пожалуйста. Я тебя умоляю. Не будь доверчивой перед теми, кто на этом играет.

Она заплакала. Не громко — он обнял её, и она плакала ему в плечо, и в голове у неё было пусто и ясно, как зимнее небо, и в этой ясности стояла одна мысль, которую она ему не сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.